

Евразийская интеграция.
Социокультурные основания

**ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА:
КИТАЙ – ЗАПАД**

А.И. КОБЗЕВ

1. Двоичность человеческого бытия и сознания

Наш мир двоичен, подобно самому человеку. Человечество как всякий биологический вид выжило и выживает с помощью бинарной поляризации путей развития и соответствующих способностей. В ходе сапиентации оно регулярно сталкивалось с бифуркационными ситуациями. Так, неандертальцы представляли собой альтернативу синхронно существовавшим кроманьонцам, и по-видимому подобные разветвления генеалогического древа проточеловека случались и раньше.

Бинарна не только эволюция человека, но и его морфология. Он двоичен на всех уровнях телесности – от внутриклеточной двойной спирали ДНК, на которой записана вся генетическая информация, до парности основных органов и половой дифференциации. Двуполушарен и главный биологический фактор культуры – человеческий мозг.

Вполне естественным представляется возникновение на таком основании бинарных социальных структур: от простого деления примитивных сообществ на две половины – мужскую и женскую, а власти в них на царскую и жреческую до сложных парных сочетаний государства с правящей церковью или партией. Особая значимость бинарной оппозиции издревле нашла отражение в языке как двойственное число, а в мировоззрении – как миф о двойничестве. Понятно, что этот универсальный принцип не может не быть воплощен и в культуре в целом.

Принципу двойственности всегда следовало китайское мировоззрение, самый известный в мире символ которого – полярные силы инь и ян (темное и светлое, женское и мужское, пассивное и активное), и ему соответствует глобальная противоположность цивилизаций – западной и восточной. В ее основе лежат фундаментальные антропологические, языковые, психофизиологические, культурные и прочие различия, связанные с самим происхождением человека и процессом его сапиентации.

2. Глобальная биполярность культур

Одним полюсом такой глобальной альтернативы является западная культура, которая включает в себя не только средиземноморскую, по происхождению европейско-американскую, но и арабо-

мусульманскую, и индо-иранскую культуры. Другая альтернатива – китайская, или синистическая в более широком смысле (ее можно было бы даже назвать «синоиероглифической»), она связана с культурным ареалом Китая и сопредельных стран. Таковы две базовые и полярные модели развития человечества. Западная культура исходно создавалась носителями индоевропейских языков, а восточная – синотибетских, для которых характерны неизменяемость слов, минимальная грамматика, отсутствие частей речи и грамматических категорий рода и числа. Этой же оппозиции соответствуют два различных вида письменности: алфавитная и иероглифическая. Таким образом, мы имеем дело с двумя принципиально разными типами культур, специфика которых коренится в природе человека, языка, письменности, менталитета.

Некоторые варианты развития сохраняются и в более простых, даже примитивных формах. В определенном аспекте и индейцы Амазонии, и папуасы Австралии тоже могут рассматриваться в качестве альтернативы западной цивилизации, но с точки зрения реальной конкуренции имеет смысл обращаться к обществам, сравнимым по культурному развитию. Сравнимость подразумевает полное наличие там и тут всего набора основополагающих культурных форм и прежде всего методологически значимой для них философии. Введение этого простого критерия и учет только автохтонных философских традиций сразу резко ограничивает круг выявленных историй человечества, полноценных и альтернативных путей развития всего лишь тремя – западным (изначально – древнегреческим), индийским и китайским.

Две оконечности этой евразийской ойкумены характеризуются фундаментальными культурологическими оппозициями, которые имеют глубокие био-социальные корни, будучи связаны со строением мозга и с различными путями сапиентации. Во всяком случае, как бы ни происходил этот процесс (если не вдаваться в детали – в теорию бутылочного горла, выхода из Африки и т.д.), совершенно ясно, что – с генетическими подмесами или без них – в европейско-африканском очаге происходило непрерывное развитие человека два с лишним миллиона лет и то же самое, как сейчас показано китайскими археологами, происходило в районе, который раньше соотносился только с бассейном Хуанхэ, а ныне расширен до Янцзы.

Там и тут видны параллельные процессы. И, по-видимому, сапиентация человека проходила в этих очагах вместе с формированием языка и соответствующего психотипа, т.е. цивилизационные различия строились на этом фундаментальном, психосоматическом расхождении. Но тогда эволюционный путь протокитайцев принципиально отличается от магистрального – афро-европеоидного. Один пример, связанный с половой дифференциацией. У разных

народов мужчины могут больше или меньше отличаться от женщин вторичными половыми признаками, волосяным покровом, распределением жировых отложений, шириной бедер, плеч и т.п. Скажем, у кавказских народов различие значительное, а у китайцев, наоборот, мужчины в большей степени похожи на женщин, что не помешало их плодовитости, которая в большей степени зависит от общественных норм, чем от полового инстинкта.

Первый уровень дифференциации двух полярных культур — иное строение человека, другой его тип с другим взаимодействием асимметричных полушарий мозга, и это непосредственно связано с использованием алфавитного (фонетического) или иероглифического (логографического) письма, что показано эмпирически (основные результаты давно опубликованы, в частности в книге Вяч.Вс. Иванова 1978 г. «Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем»). Установлено, что у носителей синоиероглифических языков восприятие иероглифа мозгом происходит иначе, чем восприятие букв, и нарушение деятельности левого полушария приводит к невозможности использовать алфавитное письмо, сохраняя возможность воспроизводить иероглифику. Важный момент: как исторически более древнее и базовое, синтетическое и холистическое правое полушарие отличается большей стабильностью, и в этом смысле оппозиция правого — левого полушарий имеет не только синхронистическую, но и диахронистическую альтернативу (наподобие оппозиции мужчин и женщин: первая — хранительница базовых человеческих качеств, второй же — «экспериментальное» существо, которое приобретает и проверяет на себе новые и потому потенциально опасные качества).

Правое полушарие работает с иероглификой, но с нею работает и левое полушарие. Поэтому у носителей иероглифической культуры, способных реализовать и тот и другой принцип, больше разных возможностей. Тут действует и биомеханика написания текстов: обычно иероглифика связана с леворукостью и писанием справа налево, а не слева направо. Для китайцев же характерны обе модели: они совершенно спокойно могут писать и сверху вниз, и слева направо, и справа налево, а гексаграммы «Канона перемен» («И цзина») — даже снизу вверх. Написание иероглифа и иероглифического текста даже в традиционном стандарте дает в целом оба вектора, поскольку иероглиф пишется слева направо и сверху вниз, а весь текст — справа налево и сверху вниз. Это означает большую адаптивность китайцев к разным направлениям записи и считывания письменных знаков, что фактически порождает новое качество — их нелинейного восприятия, столь значимого уже в компьютерных технологиях. А в современных (электронных) системах воспроизведения иероглифических текстов они еще более адаптивны, потому что используют и алфавитный

принцип, и иероглифический, так как ввод иероглифики происходит через фонетическую транскрипцию латинскими буквами.

Второй уровень дифференциации – лингвистический. В 2013 г., на очередной международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки в Санкт-Петербургском университете профессор В.Б. Касевич в максимально общей форме продемонстрировал типологический смысл понятия «восточные языки», которые являются 1) слоговыми (силлабемными) с базовой единицей – слогоморфемой и слабым отличием слова от словосочетания, 2) тональными и 3) отличающимися факультативностью грамматических показателей. Данный языковой тип как раз характерен для китайского культурного ареала, в котором к указанным признакам добавляется еще более специфичная иероглифика.

На первый взгляд главное преимущество алфавитного письма – прямая передача звучащей речи, но на самом деле во всех развитых иероглифических системах также существуют способы передачи фонетики. Более того, история китайской иероглифики знает ряд драматических периодов, когда создавались предпосылки и возникал соблазн перехода на алфавитное письмо. В последнее время в Китае обнаружены памятники письменности, сопоставимые с древнейшими письменами человечества. До этого изначальными, хотя и необъяснимо высокоразвитыми, считались мантические надписи на панцирях черепах и лопаточных костях крупного рогатого скота второй половины II тыс. до н.э. Уже в них заметна тенденция к фонетизации, а именно использование так называемых заимствованных иероглифов – на основании одинакового звучания применявшихся для записи разных слов (главным образом из-за ограниченности знакового ресурса). И уже тогда, в первые века I тыс. до н.э., как полагают специалисты, мог быть произведен аналогичный и даже синхронный западному переход к алфавитному письму. Но этого не произошло, и количество иероглифов стало увеличиваться в разы, а их написание – стандартизироваться.

Через полутысячелетие сложилась сходная ситуация. Проведенная первым китайским императором Цинь Ши-хуаном в 213 г. до н.э. реформа письменности тоже повлекла за собой существенное изменение иероглифов и обозначила развилку, точку бифуркации: или вводить дополнительные фонетические детерминативы в состав самих иероглифов, или переходить на алфавитное письмо. В результате пошли по первому пути, сохранив иероглифическую традицию.

По прошествии еще почти полутысячелетия, после проникновения буддизма и знакомства с индийской лингвистикой в первые века н.э. была создана специальная система фань-це для передачи звучания иероглифов. По этой методике соотносимый с иероглифом слог делился на инициаль и финаль, которые в свою очередь

обозначались двумя другими иероглифами. Здесь явно появилась возможность выделения ограниченного набора простых символов для записи звучания иероглифов, т.е. прямого шага к алфавитному письму, тем более что соответствующий пример давала массово переводившаяся буддийская литература. Но вновь ничего подобного не произошло, а все свелось к взаимному перекодированию одних иероглифов другими.

Следующий этап – знакомство уже через полторы тысячи лет благодаря христианским миссионерам с латиницей, но и этот соблазн алфавитного письма был полностью преодолен, хотя, к примеру, Наклаас Триго (Цзинь Ни-гэ, 1577 – 1628) издал в Ханчжоу в 1626 г. справочник для чтения китайских иероглифов «Си-жу эр-му цзы» 西儒耳目資 («Пособие западных ученых для ушей и глаз»), который оказал влияние на ученого-энциклопедиста Фан И-чжи (1611 – 1671), впервые в Срединной империи осознавшего преимущества латинского алфавита для транскрибирования китайских слов.

В XX в. по крайней мере три раза в Китае и даже за его пределами – в СССР предпринимались весьма серьезные попытки произвести романизацию, или латинизацию, китайской письменности, но и эти проекты провалились. Несмотря на кажущиеся явными преимущества и влиятельные внешние протекции алфавитного письма, оно тысячелетиями регулярно отторгалось китайской культурой, поскольку просто чуждо ее органике. Действующий ныне против иероглифики мощный фактор глобализации с лихвой компенсируется за счет преодоления с помощью современных компьютерных технологий ее главного недостатка – повышенной сложности воспроизведения. Более того, будучи не зависимой от фонетики какого-то отдельного языка, она благодаря хитрости мирового разума неожиданно превратилась из заслуженного, но устарелого ветерана в конкурентноспособного претендента на роль универсального средства международного общения в Интернете. Лавинообразно нарастающая на наших глазах визуализация информационных потоков дает вторую молодость древнейшей культуре иероглифических изображений, принципиально отличной от более молодого, исконно западного и фонетически девизуализированного алфавитного письма.

В глобальной альтернативе культур иероглифический и алфавитный принципы представлены не в строгой дизъюнкции. Их соотношение можно описать в биологических категориях доминантного и рецессивного: и там и тут присутствуют оба принципа, но доминирует один, а другой пребывает в рецессивном состоянии, сохраняя таким образом возможность при благоприятных условиях сменить второстепенную роль на главную. Это положение также напоминает модель инь-ян, в которой один противоположный элемент внедрен в другой и они циклически меняют свои позиции.

Еще один нюанс — вопрос о восприятии китайцами как носителями слогового языка отдельных звуков. Прежде всего, тут речь идет о психолингвистических особенностях. Легко заметить, что китайцы просто физически не могут произносить отдельно согласные звуки, а произносят их только в сочетании с гласными, т.е. как слоги. Это прямое эмпирическое доказательство того, что базовой единицей их речевой деятельности является слог, а не звук. Русскоязычный человек без труда произносит сочетания двух, трех и даже четырех согласных, а в таких фамилиях, как Мкртчян, — даже пяти, тогда как в китайской речи они превратятся в сочетания двух, трех и так далее слогов, выраженных соответствующим количеством иероглифов. Нет нужды говорить, что идентификация этих замысловатых транскрипций с их иноязычными оригиналами весьма затруднительна, а порой и практически невозможна. Разумеется, это не означает, что китайцы не могут осознать звуковой состав произносимых ими слогов. Правда, такое осознание к ним пришло после знакомства благодаря буддийским паломникам с неслоговым языком — санскритом и достижениями индийских фонетистов. В итоге со второй половины I тыс. н.э. китайские ученые стали создавать фонологические таблицы (韻圖 юнь-ту), в которых с помощью фонем классифицировали слоги. Но и здесь, уже после основательного знакомства с иной языковой практикой и теорией, деление слога не доходило до отдельного звука, а ограничивалось его дихотомией на инициаль и финаль. Эта чрезвычайно сложная научная деятельность, основанная на неэсплицированной и в значительной мере загадочной теории, имела целью не выделение первичных элементов слогов, а их удобную классификацию. И в общем плане: одно дело — видеть часть целого в качестве таковой, а другое — выделять ее как самостоятельный элемент. Одно дело — пассивно воспринимать, другое — активно употреблять. Это совершенно разные вещи. В одном случае — нечто вроде терапии, в другом — хирургии (которой, кстати, в традиционной китайской медицине также не было). Поэтому, в частности, сложилась парадоксальная историко-научная ситуация: в Европе фонология начала отделяться от традиционной фонетики лишь на рубеже XIX — XX вв., а в Китае, наоборот, примерно в это же время стала возникать под западным влиянием фонетика, отличная от традиционной фонологии.

Следующий после естественного языка и письменности уровень дифференциации двух полярных культур охватывает базовые ритуалы и мировоззренческие представления. Здесь основную оппозицию создают оседлые земледельцы и кочевые скотоводы, для первых главное — пространство, для вторых — время. Центральный ритуал похорон в иероглифических культурах земледельцев предполагал погребение (в идеале с мумификацией), т.е. максимально долгое сохранение тела усопшего в пространстве этого же мира, а в алфавитных

культурах кочевников — сожжение, т.е. наиболее радикальное его изъятие из пространства этого мира для перехода в идеальное время — вечность. Смысл погребального костра — в полной дематериализации и обретении принципиально иного состояния. Тут возникала идея инобытия как лучшего мира, который не имманентен, а трансцендентен земному пространству. И отсюда произрос западный, т.е. индо-европейский, идеализм, не возникший ни в Египте, ни в Китае, где в схожих иероглифических культурах с одинаковой бережностью сохраняли тела умерших и умело их мумифицировали. Если египетский натурализм можно объяснять зачаточным состоянием философской мысли, то этот аргумент не годится для Китая. Его развитая философия, как и в случае с санскритом и индийской лингвистикой, несмотря на знакомство с буддизмом и другими вариантами индийского идеализма, упорно держалась исконного натурализма. Идея же актуальной бесконечности по своей философской сути — идеалистическая. Материалистически можно представить только потенциальную бесконечность.

Еще один уровень генеральной оппозиции иероглифического китайского натурализма и алфавитного западного идеализма. В культуре, где развилась идеалистическая философия, выделяются три важные особенности, аналогичные алфавитному принципу.

Во-первых, буква является компонентом количественно ограниченного набора: алфавиты колеблются в основном числовом диапазоне от 20 до 40 знаков (с экзотическими вариантами — от 12 до 72), а иероглифические системы содержат на порядки большее количество знаков и принципиально открыты, имея возможность постоянно пополняться до невообразимых размеров. Так, китайских иероглифов в эпоху Шан-Инь (XVII/XV — XI вв. до н.э.) было примерно 3000, около 100 г. н.э. — 10 000, в начале XVIII в. — 50 000, а к концу XX в. — почти 90 000. И нет принципиальных пределов этому росту.

Во-вторых, буквы находятся в существенно ином отношении к словам. Это самое важное — они знаменуют собой качественный скачок. Буква десемантизирована в отличие от всегда наделенного смыслом слова. А соединение букв в слово рождает смысл (логос), что буквально напоминает божественный акт творения из ничего. Напротив, в любой иероглифике, и, в частности, в китайской, все знаки одинаково осмысленны и не дают никакого повода для подобного идеалистического представления.

Когда первые европейские миссионеры столкнулись с китайским языком, они умудрились усмотреть в нем грамматику, подобную латинской, хотя нет ничего более далекого друг от друга и представители следующего поколения западных языковедов даже стали отказывать ему вообще во всякой грамматике. Сходным образом, пытаясь классифицировать китайские иероглифы, западные ученые стремились вы-

делить или сконструировать иероглифический алфавит. В этой связи необходимо упомянуть важное мировое достижение отечественной науки: наш выдающийся синолог академик В.П. Васильев (1818 – 1900) в середине XIX в. изобрел такого рода алфавитную, основанную на 24 чертах и их 60 комбинациях, «графическую систему китайских иероглифов», которая возобладала в отечественных китайско-русских словарях как удобная поисковая система. Кстати, есть предположение, что через приложившего руку к ее усовершенствованию япониста О.О. Розенберга (1888 – 1919), в начале XX в. находившегося в Токио, с ней познакомился известный издатель и автор знаменитого, названного его именем толкового словаря Ван Юнь-у (1888 – 1979), который разработал популярную словарную систему поиска иероглифов «по четырем углам». В ее основе лежит алфавит из 10 черт и их сочетаний, и ныне она применяется для компьютерного ввода иероглифов.

Данный подход, исходящий из иероглифической графики, противоположен фонетическому, но и он, возможно, в своих истоках был стимулирован знакомством с иноземным алфавитом. Впервые такая система из 540 «ключевых» иероглифов была представлена Сюй Шэнем (ок. 58 – ок. 147) в первом в Китае полном толково-этимологическом словаре «Шо-вэнь цзе-цзы» («Изыяснение слов и анализ знаков») в 100 г. н.э., т.е. после проникновения в страну буддизма. После же прибытия в Китай католических миссионеров Мэй Ин-цзо в словаре «Цзы хуй» («Свод иероглифов») в 1615 г. предложил значительно больше напоминающий алфавит и ставший классическим набор из 214 «ключей». В современных модернизациях он иногда сужается до 189 и расширяется до 250 иероглифов. Несмотря на возможное иницирующее влияние иноземных алфавитов, эти классификационные системы следуют исконно китайскому принципу семантической одноуровневости классифицируемых и классифицирующих знаков, выделяя в качестве «ключей» более простые по написанию и более общие по смыслу иероглифы, а не их десемантизированные элементы. Иначе говоря, китайские аналоги букв оказываются все теми же иероглифами.

В-третьих, буквы как элементы иного уровня и совершенно другого качества, нежели слова, образуя их, становятся для них тем же, чем являются атомы для вещей. Ничего подобного нет в иероглифике. Аналогичным образом западные теоретические модели, отражающие трансцендентную реальность, потребовали специальной, не словесной, а цифровой и буквенной символизации, т.е. использования своеобразных знаковых атомов. В Китае, напротив, в подобной роли выступали все такие же иероглифы.

История показывает, что переход от иероглифики к идее буквы и алфавитному письму связан со сменой культурной доминанты и инокультурным влиянием. Логика такой трансформации понятна.

В контакт со сложной, развивавшейся веками культурой (шумеро-аккадской или египетской), вошли кочевые народы, более простые, но и более пассионарные, у которых возникла потребность освоить накопленные соседями достижения, зашифрованные с помощью сакрализованной иероглифики. Для торговцев и путешественников слишком сложны священные письмена жрецов, и они максимально упростили их самые простые формы, получив, таким образом, новое качество. Перехватив культурную инициативу, они сделали доминирующим и упрощенное буквенное письмо. Если культура господствует в своем ареале, что испокон веку наблюдалось в Китае, то эти алфавитные соблазны не вызывают отказа от своего собственного магистрального пути развития.

Описанная цепь взаимосоответствий от базовых антропологических и лингвистических характеристик обоих типов культур до их высших форм, связанных с философскими обобщениями, является, как минимум, коррелятивной. Можно, конечно, спорить о том, что было причиной, а что следствием: алфавитное ли письмо стимулировало рождение атомизма как важнейшей научно-философской теории Запада или, наоборот, архаическое атомизирующее мировоззрение привело к изобретению алфавита. Но исторические даты появления алфавитного письма и атомизма бесспорно свидетельствуют в пользу первого варианта. Разумеется, после этого не значит вследствие этого, но здравый смысл и самопризнания древних авторов говорят о зависимости научно-философской идеи от общепринятой в период ее появления культурной практики, ставшей если не причиной, то, как минимум, эвристическим принципом.

3. Столкновение цивилизаций или диалог культур

Итак, древнейшие и одновременно наиболее развитые культуры современного мира образуют очевидную глобальную альтернативу, подобную психо-соматической, половой и всем прочим бинарным противоположностям человеческого тела, вида и социума. Взаимная полярность западной (евро-американской, индо-иранской, арабско-мусульманской) и восточной (китайской, или синистической) культур имеет глубочайшие антропологические, а не только социальные и историко-культурные корни, выражаясь в кардинальном различии языков, типов письменности, языковых картин мира, психотипов, социокультурных норм, религиозно-философских систем и, возможно, отражая разные варианты сапиентации в двух разных и удаленных друг от друга районах Земного шара. Научное осмысление этого необходимо для адекватного соотнесения реального «столкновения цивилизаций» с идеальным «диалогом культур».

Китайский вариант — это предельно развитая культурная позиция здравого смысла и максимально социализованного «нормального»

человека, «бесконечно развитый неолит» (П. Тейяр де Шарден), а западный – парадоксальное отклонение от «естественной нормы», своего рода «извращение ума», устремленного за пределы реальности. Формирование европейской цивилизации было обусловлено рядом уникальных явлений (алфавитное письмо, «греческое чудо», христианство, Ренессанс, реформация, капитализм, научно-техническая революция) и соответственно самоосмыслялось с помощью линейной концепции времени и признания абсолютной неповторимости таких актов исторической драмы, как Боговоплощение, Второе пришествие или Конец света. Напротив, китайская цивилизация развивалась циклически и самоосмыслялась в терминах теории «вечного возвращения на круги своя» в соответствии с космическими и династийными циклами.

В европейском мировоззрении, будь то платоническая философия, христианская теология или научная теория, происходит удвоение мира в его идеальной конструкции (как прототипа или модели). Для китайского же натурализма мир един и неделим, в нем все имманентно и ничто, включая самые тонкие духовные и божественные сущности, не трансцендентно. В идеальном мире западного человека действуют абстрактные логические законы, в натуралистическом мире китайца – классификационные структуры, а место логики здесь занимает нумерология (сходное с пифагорейством и каббалой «учение о символах и числах» – сянь-шу-чжи-сюэ 象數之學). Социальным следствием подобного «здоровомыслия» стало то, что в Китае философия всегда была царицей наук и никогда не становилась служанкой богословия.

Фундаментальное открытие в древней Греции иррациональных чисел на основе установления несоизмеримости диагонали и стороны квадрата (или гипотенузы и катета равнобедренного прямоугольного треугольника) нанесло сокрушительный удар по числовой теории пифагорейцев и стимулировало геометризацию древнегреческой математики. Китайские же математики как будто не заметили качественной специфики иррациональных чисел, что могло обуславливаться использованием ими десятичных дробей и общефилософским континуализмом. В решении проблем, связанных с теоремой Пифагора, они ограничивались получением приближенных числовых значений и подбором троек Пифагоровых чисел, т.е. целых числовых значений. Коренная разница в отношении к иррациональным числам, видимо, отражает принципиальное различие между древнегреческим соматизмом и китайским процессуализмом, т.е. осмыслением мира в образах дискретных тел, с одной стороны, и непрерывных процессов (событий, дел) – с другой. В рамках китайского натурализма, – не знакомого ни с индивидуальностью (буквально: неделимостью) атомов, ни с индивидуальностью идей/эйдосов, – процессуализировавшего дей-

ствительность и представлявшего ее в виде множества континуальных масс, бесконечная десятичная дробь не казалась чем-то необычайным и вполне могла пониматься как отражение бесконечной делимости любого материального предмета или явления, как, например, бесконечно делима даже короткая палочка, согласно известному афоризму патриархов «школы имен» (мин-цзя 名家) Хуй Ши и Гунсунь Луна (IV – III вв. до н.э.).

Одной из прерогативных инстанций, демонстрирующих фундаментальное различие между китайской и западной научно-философскими традициями и культурами в целом, является атомистическая теория. Как показал выдающийся исследователь китайской науки Дж. Нидэм (1900 – 1995), китайская физика, оставаясь верной философскому прототипу волновой теории, упорно отвергала атомистику. Китайские мыслители, по-видимому, самостоятельно не создали никакого варианта атомистической теории. Все субстратные состояния как материальных, так и духовных явлений обычно мыслились непрерывно-однородными («пневма» – ци 气, «семя-дух» – цзин 精), так как господствовали континуально-волновые представления о веществе. Если в XIX в. такая мировоззренческая позиция казалась говорящей не в пользу Китая, то в XXI в. она выглядит вполне соответствующей новейшим представлениям о строении Вселенной.

Сходным образом во всей западной культуре до духовной революции начала XX в., ознаменовавшейся переосмыслением времени в философии А. Бергсона и физике А. Эйнштейна, господствовало представление о его вторичности в сравнении с пространством, в Китае же они искони рассматривались в неразрывном единстве, как два атрибута единой Вселенной (космоса, мира, универсума), о чем свидетельствуют передающие это понятие термины (юй-чжоу 宇宙 – «пространство-время», тянь-ди 天地 – «небо-земля», ши-цзе 世界 – «век-пределы»).

Вопреки понятному стремлению стран и народов к многополярности, мир геополитики, подобно Земному шару, всегда стремится к двуполярности, а одним из его полюсов почти всю историю человечества был – и в XXI в. вновь становится – Китай. Всегда, если только не подвергался агрессии извне или смуте изнутри, он экономически первенствовал, был самым богатым и сильным государством в мире, а до XV в. – даже самым передовым в науке и технике. По подсчетам Дж. Нидэма, он породил 32 всемирно-исторических открытия, получив со средневекового Запада лишь 4 таковых, а по данным С. Хантингтона, около 1800 г. производил треть всей мировой продукции обрабатывающей промышленности, больше чем любая другая цивилизация.

Главное отличие человека от любого другого живого существа составляет обладание и активное оперирование ненаследственной

информацией, т.е. культурой, которая в своем историческом развитии, подобно гегелевскому абсолютному духу, все меньше и меньше становится зависимой от воплощающих ее материальных форм. Прогресс человечества как раз и состоит в растущем изменении баланса между материальной и духовной культурой в пользу последней, что, в конце концов, привело ее к самоосознанию в идее ноосферы. Эту идею выдвинули два выдающихся ученых и мыслителя XX в. — проживший более 20 лет в Китае и открывший синантропа французский иезуит П. Тейяр де Шарден и вдохновивший его русский космист, академик В.И. Вернадский. Поразительно, что синхронно и независимо от них создавались кибернетика Н. Винера, теория алгоритмических «машин» А.М. Тьюринга и другие компоненты компьютерной технологии.

В свою очередь для формирования ноосферы в ее современной ипостаси — глобальной информационной цивилизации — потребовались как минимум три фундаментальных изобретения: 1) письменности, 2) печати, 3) компьютера.

Китайская письменность — древнейшая среди ныне здравствующих и характеризуется такими ценнейшими для современных информационных технологий качествами, как формализованность (полуискусственная, близкая к логической грамматика, иерархически стандартизированная и широко терминологизированная лексика), компактность (самоархивирование и развертывание в виде гипертекста) и визуальная символизированность.

Китайская традиция производства печатной продукции — также древнейшая в мире, поскольку именно здесь и зародилась, а кроме того органически совмещает в себе принципы наборной и эстамповой полиграфии, создающей единство ментального анализа и визуального синтеза.

Зафиксированный в архетипе китайской письменной культуры — формально (численно и геометрически) организованном наборе графических фигур (яо/сяо 爻, гуа 卦) «Канона перемен» — принцип универсальной двоичной символизации предвосхитил логическое исчисление и бинарную арифметику Г.В. Лейбница, двоичную алгебру Дж. Буля, наконец, современный компьютер, первый образец которого в 1937 г. Дж. Атанасов спроектировал работающим именно в двоичном исчислении, хотя для этого годится и троичное, и десятичное.

Следовательно, указанные изобретения китайцев, определившие специфику всей синистической культуры Восточной Азии, можно считать предтечами породивших современную постиндустриальную цивилизацию информационных технологий, которые в мировой ноосфере на наших глазах трансформируют все человеческое знание в гиперэнциклопедию Интернета.

Далее, согласно Нидэму, раннее изобретение сейсмографа (во II в., Чжан Хэном) и методов измерения осадков, по всей вероятности, стимулировалось вполне рациональным стремлением власти предвидеть и предупреждать землетрясения, засухи и наводнения. Только китайское общество в средние века могло организовать такие крупные научные предприятия, как геодезическое измерение в VIII в. под руководством буддийского монаха и ученого И-сина и астронома Наньчун Юэ меридианной дуги длиной не менее 2,5 тыс. км от Индо-Китая до Монголии или экспедиция VIII в. в Восточную Индию для наблюдения звездного неба южного полушария.

Китайцы первыми в мире ввели десятичные дроби и пустую позицию для обозначения нуля, построив десятичную метрологию, благодаря чему еще в I в. до н.э. ремесленники пользовались кронциркулем с десятичной градуировкой. Уже к началу XIV в. треугольник Паскаля (1623 – 1662) рассматривался здесь как старинный способ решения уравнений. Подобные случаи нарушения авторского права китайских первооткрывателей и изобретателей нередки. Подвес Кардано (1501 – 1576) правильнее называть подвесом Дин Хуаня (II в.). Китайские астрономы были наиболее упорными и точными наблюдателями доренессансного периода, создав превосходную космологию, описывающую небо посредством современных координат, без телескопа зафиксировали солнечные и лунные затмения, кометы, туманности, метеоры, солнечные пятна и прочие небесные явления, данные о которых актуальны по сей день. Благодаря высокому уровню инженерии они создали такие блестящие астрономические приборы и приспособления, как экваториальная установка и часовой привод. Из физических дисциплин в традиционном Китае наибольшее развитие получили оптика, акустика и теория магнетизма, тогда как на Западе при относительно большем развитии механики и динамики почти ничего не знали о магнитных явлениях.

Однако отсутствие атомистики в Китае не помешало обнаружить шестиугольную структуру снежинки, что в Европе было выяснено на много столетий позже (И. Кеплером), и заложить основы познания химического средства в трактатах эпох Тан, Сун и Юань (VII – XIV вв.). В изобретении железного литья китайцы опередили европейцев на 15 столетий. Вопреки распространенному мнению, механические часы были изобретены не в Европе раннего Возрождения, а в Китае эпохи Тан [противоположной точки зрения придерживается В.Н. Пипуныров, см. его работу «История часов с древнейших времен до наших дней» (М., 1982. С. 140)]. Об инженерном искусстве в гражданском строительстве свидетельствуют изобретения многоарочных и подвесных на железных цепях мостов. Преуспели китайцы и в военной технологии, начав применять порох в IX в. и развивать взрывную технику в XI в., на три столетия раньше Европы, где первые пушки

отмечены в 1327 г. В Китае уже в середине X в. как оружие ближнего боя использовались «огневые пики» (хо-цян 火槍), бамбуковые трубки с пороховым зарядом — прообраз будущих ракет и пушек.

Широко известен приоритет китайцев в шелкоткачестве. Их мастерство в получении особо длинного волокна обусловило некоторые фундаментальные изобретения, например, приводного ремня и цепной передачи. В воздуходушных машинах для металлургии они первыми применили взаимопреобразование кругового и поступательного движений, в Европе появившееся в ранних паровых машинах. Изобретение ими компаса было связано с изучением магнитного склонения задолго до того, как европейцы услышали о магнитной полярности. Не отставал Китай и в биологии, став родиной многих агрокультур. Синхронно здесь были написаны сельскохозяйственные трактаты, аналогичные работам римлян Варрона (116 — 27 до н.э.) и Колумеллы (I в.).

В «Нань фан цао му чжуан» 南方草木狀 («Описание трав и деревьев южного края», ок. 340 г.) Цзи Хань сообщил о первом в мире случае использования одних насекомых (муравьев) для борьбы с другими (клещами и пауками). И ныне в Китае сохраняется сильная традиция биологической защиты растений. В медицине китайцы пошли по пути, видимо, наиболее отличному от западного. Будучи свободными от присущего Западу предубеждения против минеральных медикаментов, китайские фармакопеи издавна содержали рецепты из растительных, животных и минеральных компонентов. Совершенно особенной эту медицинскую традицию делают акупунктура (иглотерапия) и игнипунктура (прижигание моксой).

В грандиозной картине научного творчества Китая, внесшего значительный вклад в создание современной цивилизации, наряду с четырьмя великими изобретениями (бумаги, книгопечатания, компаса, пороха), запечатлены многие менее известные, но не менее выдающиеся достижения: целые новые отрасли знания — макробиотики и эротологии, иглотерапии и пульсовой диагностики.

4. Ветер с Востока и ветер с Запада

На Западе в ареале европейско-средиземноморской цивилизации Китай стал известен с рубежа нашей эры, видимо, прежде всего, благодаря Великому шелковому пути. Поэтому в Римской империи Китай стал именоваться страной серов, или Серикой, т.е. этно-топонимом, производным от иероглифа сы 絲 («шелк»), что свидетельствует о формировании с самого начала на Западе образа Китая как родины лучших образцов прикладного искусства. Когда главным посредником во взаимодействии Запада с Китаем стала Англия, переносное значение английского слова china («фарфор, фарфоровые изделия») отразило развитие подоб-

ного представления о стране (China). Знакомство Европы с Китаем в более разносторонних и прямых формах началось в XIII – XIV вв. и стало приобретать системный характер в XVI – XVII вв., а к XVIII в. вылилось в распространение моды на «китайский стиль» (шинуазри) в широком диапазоне от архитектурных сооружений, садов и парков до мелкой пластики и декоративно-прикладного искусства. Завоевали огромную популярность и повсеместно укоренились, породив новые формы, сугубо китайские виды искусства (лаки и фарфор), а культура Китая, в свою очередь, обогатилась воспринятыми у европейцев технологиями масляной живописи, гравюры на меди (офорт) и рядом художественных ремесел.

В этом полезном для обеих сторон взаимообмене складывались и достаточно сложные комбинации, к примеру, заимствованное с Запада искусство выемчатой и перегородчатой (клаузоне) эмали так развилось в Китае, что стало его фирменной продукцией и одной из основных статей экспорта на Запад. Не менее значимо, чем четыре великие изобретения китайцев, на мировую культуру повлияла изобретенная принцем Чжу Цзай-юем (1536 – 1610) темперация, которой после теоретического освоения в Европе XVII в. и практического воплощения в «Хорошо темперированном клавире» (1722) И.-С. Баха последовал весь музыкальный мир. С другой стороны, первоначально не воспринятый и забытый в Китае темперированный строй получил распространение у себя на родине только в XX в. под влиянием Запада, где, в свою очередь, высокое искусство Китая стало стимулом для новаторов, начиная с импрессионистов и театрального авангарда первых десятилетий XX в. На эту благотворную почву в 1930-е гг. на Западе (включая СССР) легли триумфальные гастроли классика пекинской музыкальной драмы (цзин-цзюй 京劇) Мэй Лань-фана, чье влияние обнаруживается в истоках, казалось бы, совершенно западного по происхождению кинематографа. Так, после знакомства с искусством Мэй Лань-фана великий реформатор кинематографа С.М. Эйзенштейн сформулировал концепцию «киноиероглифического языка» как новой образной системы выразительности искусства кино в рамках выдвинутой им теории «монтажа аттракционов».

Некоторые вполне традиционные виды культуры – боевая, чайная, кулинарная, являющаяся, по мнению Сунь Ят-сена, «показателем глубины китайской культуры», – ныне оказались весьма популярными на Западе и соответствующими новейшей мировой художественной тенденции. Драматизированная ветвь «боевых искусств» вошла в эстраду, цирк, театр, кино, где обрела элементы эстетической ценности. То же самое можно сказать и о культуре чая, где возникает артефакт эстетизированной церемонии. Китайское «застолье» – это перформанс, включающий в себя не только собственно кулинарные изыски, но и такие «дивертисменты», как достаточно продолжитель-

ные беседы до и в перерывах между трапезами, прогулки по парку (усадебному в старые времена, общественному сегодня), увеселительные мероприятия.

В XVIII в. европейские просветители представляли Китай идеальным государством философов. Он был мастерской мира в не меньшей степени, чем Британия. Образ бедного и голодного Китая возник в XIX в., когда англичане наркотизировали его опиумом и закрепили изменение торгового баланса в свою пользу опиумными войнами (1840 – 1860), после чего все основные западные державы вместе с Японией и Россией насильственно превратили Китай в полуколоннию. Два раза в XX в., до и после Второй мировой войны, отход от исконных ценностей в пользу западного капитализма и советского коммунизма оборачивался для страны катастрофой.

Глобализация Китая – проблема обоюдоострая и для него, и для остального мира, поскольку чревата глобальным противостоянием. Китайцы же были пионерами экономической глобализации как в древности, проложив во II в. до н.э. Великий шелковый путь до Рима, так и в преддверии современности, плавая в Африку в начале XV в. на несколько десятилетий раньше европейцев открыв эпоху великих географических открытий и технологически подготовив ее (изобретением компаса). Важнейшие факторы начавшейся тогда же информационной глобализации, европоцентристки названной эрой Гуттенберга, – также изобретенные китайцами бумага и печать.

5. Китайский дракон, возрожденный как феникс

Китайцы сумели сделать единую культуру общим достоянием нации. При единстве ценностей и целей верхов и низов государство легко организовывало народ на решение разных, в том числе грандиозных, как Великая стена или Великий канал, задач. Никакой экономический рост в такой огромной, разнообразной и сложной стране, сопоставимой с целым континентом и обремененной великим множеством проблем, не был бы возможен без действия особых сил, далеко выходящих за пределы экономики. Речь идет о колоссальном культурно-историческом потенциале, аналогом которого не располагает ни одна страна в современном мире. Этот беспрецедентный по длительности накопления и разнообразию форм духовный опыт способен становиться производительной силой и превращаться в социальную материю. Поэтому сохранение китайской культурной идентичности равносильно борьбе за национальную безопасность.

Удивляющие весь мир и кое-кого уже пугающие экономические успехи Китая за последние три десятилетия свидетельствуют о верности простого принципа: наилучший результат достигается правильным сочетанием развертывания стихийных инициатив снизу с разумным планированием сверху. В традиционной китайской

терминологии это называется гармоничным союзом сил инь и ян. В ходе нынешних реформ в КНР довольно быстро пришли в действие исторически отработанные механизмы. При сохранении преемственности власти получила свободу рыночная инициатива масс, социальные лифты подняли на руководящие позиции опытных управленцев и интеллектуалов, были созданы благоприятные условия для репатриации разбогатевших за границей соплеменников и освоивших там достижения современной науки ученых, стимулированы приток иностранных инвестиций и приобретение западных технологий. Заимствовать же чужие достижения китайцы всегда умели, что опять с блеском демонстрируют.

Китайская культура построена на приоритете знания. И это заложено еще со времен Конфуция в VI – V вв. до н.э. Конфуцианец – ученый, интеллектуал, который, пройдя систему экзаменов, становился чиновником и государственным деятелем. Благодаря такому социальному лифту «простой человек с улицы мог стать императором». Общечеловеческому стремлению богатых и знатных наследственно закреплять свои привилегии в Китае противостоял действовавший более двух тысячелетий и хорошо отработанный экзаменационный механизм. Накопленный в нем опыт пригодился бы и нам, столь озабоченным ныне эксцессами ЕГЭ. Конкуренция, разумеется, была жесточайшей: на одно место не десять человек, а сотни и даже тысячи. До самого верха добиралась подлинная элита, которую теснили следующие эшелоны. И когда в Китае начались реформы Дэн Сяопина, многое повторилось. Интеллектуальной элите не дали впасть в нищету, как у нас при «рождении новой России».

После более чем столетних попыток китайским реформаторам удалось эффективно реализовать формулу крупного сановника и ученого конца империи – Чжан Чжи-дуна (1837 – 1909): «Китайские учения – для фундаментальной основы, западные – для прикладного применения». На этом пути их опередили талантливые ученики – японцы. Автор концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтон справедливо отметил, что в ходе подобных реформ модернизация постепенно начинает подавлять вестернизацию и все усиливается стремление к восстановлению национальных ценностей. Китайцы – великие патриоты. Легко расселяясь по всей планете, они возвращаются по первому зову родины с нажитым материальным и духовным капиталом. Считается, что капитализм возник в Европе в эпоху Ренессанса. Но капиталистические отношения были развиты в Китае с древности. Уже на рубеже нашей эры там существовали города-миллионники со сложнейшей экономической и социальной структурой, и все это умножалось в масштабах огромной империи. При Мао Цзэ-дуне капиталистический дух всячески подавлялся, но многовековой опыт неискореним.

Особую гомогенность и целостность китайской культуре тысячелетиями обеспечивала иероглифика, с нею идентифицировавшаяся даже терминологически — обозначаясь единым словом *вэнь* 文. Принадлежа ей, даже самый невежественный крестьянин всегда разделял те же ценности, что и культурная элита, высшие устремления которой всегда носили земной характер. На Западе духовность означает стремление к потустороннему и вечному, веру в другой, лучший мир и отрешение от посюстороннего как его искаженной копии. Поэтому, можно жертвовать земным как низшим во имя высшего — небесного. А китайцы искони превыше всего ставили окружающую реальность. И самый простой человек заботился о своем и своих потомков наилучшем существовании в нем, ничем не отличаясь в этом от просвещенного мандарина.

Китайцам всегда приходилось выживать в экстремальных условиях. Свой природный мир они изменили уже к середине I тыс. до н.э. и не могли, как русские вплоть до XX в., осваивать новые просторы и поднимать целинно-залежные земли. А когда вокруг множество конкурентов, борющихся за жизненное пространство и материальные блага, остается только интенсифицировать свой труд и максимально повышать самодисциплину.

Поразительно, что самая известная особенность китайцев — их рекордная многочисленность — была достигнута за последние три века в условиях, которые, казалось бы, должны были привести к обратному результату. С 1644 по 1911 г. страна была под властью иноземцев — маньчжуров, в XIX — начале XX в. подавлялась и грабилась империалистическим державами и вплоть до конца 1970-х гг. находилась в состоянии внутренних или внешних войн и разрушительных социальных конфликтов. Но сейчас на наших глазах именно созидательная китайская идея, овладевшая массами, являет себя в качестве могучей материальной силы. За этим чудесным возрождением китайского феникса из пепла «культурной революции» стоит его многотысячелетняя история.

Китайская цивилизация — самая древняя на Земле, но после растянувшейся на столетие катастрофы еще полвека тому назад казалась отставшей навсегда. Ныне же все радикально изменилось, и Китай вновь готов стать не только фабрикой мира, но и его духовным центром, как это было чаще всего в истории человечества. В действительности уже многие фундаментальные ценности Поднебесной незаметно проникли в западный обиход. Сердце массовой культуры — Голливуд производит блокбастеры по лекалам китайских театрально-цирковых представлений, киногерои-супермены выступают как мастера боевых искусств — ушу, и даже цитадель фаустовской души — психологический театр — отступает под натиском синтетических шоу в стиле пекинской оперы, в чем можно легко убедиться в Москве на очередном Чеховском театральном фестивале. Но за столь явными и

яркими признаками скрыты более глубокие и капитальные изменения: современный постхристианский Запад, отказавшись от аскетического идеализма платоников и отцов церкви, переориентировавшись с потусторонних ценностей на посюсторонние, автоматически стал на путь китаизации, поскольку суть китайского мировоззрения составляет натуралистический взгляд на реальность, прагматизм и приоритет витальных ценностей.

6. Русский путь в Китай через Орду и Желтороссию

В отношениях с китайцами у России, как всегда, особый путь. Само русское слово «Китай» фонетически и этимологически принципиально отличается от западных аналогов, производных от названия первой централизованной империи Цинь (221 – 207 гг. до н.э.). Оно восходит к наименованию киданей (народа, близкого монголам или тунгусам), образовавших в X – XI вв. государство на северо-востоке Китая, и свидетельствует о том, что через них северным сухопутным путем примерно тысячу лет назад установили первый контакт друг с другом наши народы, в отличие от Запада, который осуществил подобное на тысячелетие с лишним раньше и южным путем, сначала – «шелковым», а за последние пять веков – в основном морским. Соответственно у нас и на Западе складывались разные образы Китая, в котором действительно очень существенно различие между Севером и Югом, из-за чего они представлялись как две разные страны – Серика и Сина (Тина, Циниста) в древнем Риме или Хатай и Чин (Мачин) в Индии XV в., что отразил Афанасий Никитин. В XIII в. русские и китайцы вообще оказались подданными единой монгольской державы, правители которой в XIV в. держали в пекинской гвардии русский полк. Первый посланец Московии томский казак Иван Петлин в начале XVII в. не получил высочайшей аудиенции при пекинском дворе из-за отсутствия даров, а привезенная им на родину грамота от императора последней национальной династии эпохи Мин осталась непереуверенной более полувека, породив идиому «китайская грамота». Так что проблема перевода возникла с самого начала наших взаимоотношений. Первое официальное посольство воеводы Ф.И. Байкова в середине XVII в. при следующей, маньчжурской династии эпохи Цин столкнулось с той же языковой проблемой и не смогло установить прямые дипломатические отношения из-за отказа выполнять унижительный ритуал представления императору.

Однако уже в начале XVIII в. Петр I «прорубил окно» не только в Европу, но и в Китай, учредив в 1715 г. Русскую духовную миссию в Пекине, которая успешно действовала два с половиной века и оставила нам в наследство самую большую в мире посольскую территорию. Еще больше ее духовное наследие – культурное, научное, политическое. Для публикации составленного главой 10-й

Миссии, архимандритом Петром, т.е. чл.-корреспондентом АН П.И. Каменским (1765 – 1845), пятиязычного словаря Александр I в 1817 г. выделил грандиозную сумму в 140 000 рублей, что в современном выражении равно примерно 10 млн долл.

По наблюдению одного из крупнейших синологов П.И. Кафарова (1817 – 1878), «китайцы вообще менее предубеждены против русских, чем против других наций». В начале XX в. прежде всего благодаря великому проекту Китайско-Восточной железнодорожной дороги вся Маньчжурия стала зоной активнейшего русско-китайского взаимодействия, Харбин был практически русским городом и публицисты активно обсуждали тему Желтороссии. Почти синхронно начавшиеся в наших странах революционные события привели к еще большему сближению, вплоть до «великой дружбы» благодаря общей коммунистической идеологии и даже постановки вопроса о соединении в единое советское государство. Эта гротескная реанимация событий XIII в. ныне литературно обыгрывается синологами, пишущими под псевдонимом Ван Зайчик, в детективах о фантастическом государстве Ордусь.

Однако «братство навек» продлилось не дольше «тысячелетнего рейха». За этим стоит и лингвистическая проблема. В нашем языковом контексте братство означает равенство двух сторон, поскольку данное отношение – симметрично. По-китайски же оно асимметрично и выражает неравенство, ибо всякий брат – старший или младший. Подобным смысловым искажением чревата также заглавие «Все люди – братья» («All Men Are Brothers»), принятое лауреатом Нобелевской премии П. Бак в ее переводе классического китайского романа «Шуй-ху чжуань» («Речные заводы»). Соответственно Мао Цзэ-дун готов был признать себя младшим братом Сталина, но не Хрущева или Брежнева. Этот субъективный фактор во многом способствовал превращению «великой дружбы» в чреватую непредсказуемыми последствиями военную конфронтацию к концу 1960-х гг. Возможно, боевое столкновение на Даманском в 1969 г. побудило руководство КНР радикально изменить вектор стратегических взаимодействий с Запада на Восток, т.е. от СССР к США, и тем самым изменило всю политическую конфигурацию в мире, сделав его таким, каков он сейчас, когда «бумажный тигр» американского империализма стал главным потребителем китайских товаров, а социалистический Китай – основным держателем его долговых обязательств и долларов.

Так или иначе Россию и Китай связывают ближайшее географическое соседство, десятилетия глубокого взаимопроникновения культуры и века взаимного изучения. Естественно, все это находило отражение и в творчестве русских писателей, о чем свидетельствует, например, вышедшая в 2008 г. в Москве антология «Китай у русских писателей». В конце XVIII в. просветители круга Новикова использовали пере-

воды китайских произведений для критики русского абсолютизма. Писатель, музыковед и философ В.Ф. Одоевский пытался предвидеть будущее России и Китая в утопии 1840 г. «4338-й год». Основоположник современной русской литературы Д.И. Фонвизин перевел в 1779 г. с французского «Великое учение» («Да-сюэ») — первую книгу конфуцианского «Четверокнижия» («Сы-шу»), в которой современники усмотрели выпад против Екатерины II. В начале XX в. ее же изучал и издал Л.Н. Толстой, считавший китайскую духовную культуру одним из высших достижений человечества, полагавший возможной интеграцию идей Конфуция и Лао-цзы в разрабатывавшееся им экуменическое учение и пытавшийся таким образом изменить Россию. Показательно, что внимание к этому произведению оказалось вновь привлечено в смутный период отечественной истории, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., а самый последний академический перевод увидел свет в конце 2014 г., в разгар очередного кризиса.

Удивительным образом китайская грамота сейчас получила шанс стать языком международного общения в Интернете. Ведь иероглифы не привязаны к звучанию никакого конкретного языка, и их можно использовать, не отказываясь от родной речи. Они суть рисунки или зримые символы, отвечающие нарастанию визуализации современной культуры. Кстати, японцы, корейцы или вьетнамцы, говорящие на языках совсем иных, чем китайцы, успешно использовали их иероглифы, поскольку они выражают прежде всего идеи. Совершенствовавшийся тысячелетиями, очень компактный и смыслоемкий, простой в грамматике и чрезвычайно эстетичный иероглифический язык *вэнь-янь*, объединявший разноязыкие народы Китая и сопредельных государств, — это готовый международный язык для Интернета. Он тоже может стать орудием мягкого проникновения. На закате СССР поэт Д.А. Пригов предсказал: «глядь — и Рейган в сердце у тебя». Перефразируя, можно сказать: «глядь — иероглиф в ноутбук у тебя». Подобные китайские мотивы уже выразили Ван Зайчик, Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, а писатели в России обычно больше чем писатели и потому наиболее пронизательны. Предсказание всемирного возвышения Китая, но не в условиях его чемпионского экономического роста, как это сделал в конце XX в. С. Хантингтон, а на столетие раньше в ситуации полного внутреннего разложения и внешнего унижения, нищеты и отсталости, наступивших, казалось бы, навсегда, сделал крупнейший русский философ В.С. Соловьев на столетие раньше — в стихотворении «Панмонголизм» (1894 г.) и «Краткой повести об Антихристе» (1900 г.). Пророчество В.С. Соловьева в «Панмонголизме» особенно важно тем, что А.А. Блок в «Скифах» (1918) распространил его на судьбу России. Мистически значима сама дата написания этого стихотворения — 1 октября, ныне всемирно известный день образо-

вания КНР, а также начало нового года, введенное Цинь Ши-хуаном, которого идеализировал Мао Цзэ-дун.

В разнообразных и все более развивающихся взаимоотношениях между нашими странами базовый компонент – перевод с одного языка на другой, и здесь наблюдается явная асимметрия в пользу китайцев. Это малозаметное явление чревато далеко идущими последствиями. Сейчас уже Китай стал не только мировой фабрикой электроники, но и основным производителем используемых в ней информационных, в частности переводческих, программ. Таким образом, китайцы создают русский новояз, достаточно отличный от привычного нам языка. Последний крупный китайско-русский словарь вышел в 2009 г. в Шанхае, хотя, в отличие от русско-китайских, такие словари должны создаваться в России. Действительно, выдающийся, получивший Государственную премию, 4-томный «Большой китайско-русский словарь» увидел свет в Москве, но только это произошло три десятилетия тому назад, в 1983 – 1984 гг. Китайский язык бурно развивается, каждый год возникает до тысячи новых слов и выражений. Мы за этим почти не следим, а китайцы оперативно фиксируют лингвистические новации у себя и у нас.

Так с помощью «мягкой силы», проникая через межличностные контакты, бытовые гаджеты, информационные технологии к нам возвращается «ветхий деньми китаец» (В.С. Соловьев), из младшего брата незаметно превратившийся в старшего, и китайская грамота вновь требует углубленного изучения.

Аннотация

Как Земной шар, мир двуполярен, и одним из его полюсов почти всю историю человечества был и в XXI в. будет Китай. Его книга книг «Канон перемен» («И-цзин») – предшественница двоичного кода всех компьютерных программ, а иероглифика – претендент на роль языка международного общения в Интернете. В сегодняшнем визуальном мире картинки побеждают слова и древняя культура иероглифических изображений обретает вторую молодость. Поэтому синология становится универсальной наукой о прошлом и будущем человечества, о диалоге цивилизаций и судьбе России.

Ключевые слова: Китай, Запад, китаистика, китаеведение, синология, культурология, культура, цивилизация, двоичность, бинарность.

Summary

Like the Earth, the world is bipolar and China has been one of its poles through most of the human history, as it will be in the 21st century. Its book of books – the Book of Changes (or the Yi Jing) – foreruns the binary code of all computer programs, and hieroglyphics may become the language of international communication on the Internet. In the visual world of today pictures oust words and the old culture of characters gets a new life. Thus sinology becomes a universal science of the humanity's past and future, of the dialog between civilizations and of the fate of Russia.

Keywords: China, the West, sinology, Chinese studies, cultural studies, culture, civilization, duality, binarity.